

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ж. Т. ТОЩЕНКО^{1), 2)}

¹⁾Российский государственный гуманитарный университет, пл. Миусская, 6, 125993, г. Москва, Россия

²⁾Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, 117218, г. Москва, Россия

Реализуется попытка осмыслить появление феномена советского человека и специфику его функционирования на различных этапах становления и развития общества. Показывается, что сознание советского человека складывалось постепенно, в рамках преодоления объективных и субъективных противоречий. Особое внимание уделяется советскому человеку как ключевому звену в возникновении общественного договора между гражданином и Советским государством. Проводится краткий критический анализ антисоветских концепций. Осуществляется поиск ответа на вопрос, почему феномен советского человека продолжает жить в умах и сердцах россиян спустя три десятилетия после краха Советского Союза.

Ключевые слова: человек; советский человек; мировоззрение; классификация трактовок феномена советского человека.

SOVIET MAN: THE EXPERIENCE OF UNDERSTANDING THE SOCIO-HISTORICAL REALITY

Zh. T. TOSHCHENKO^{a, b}

^aRussian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow 125993, Russia

^bFederal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
24/35 Krzhizhanovskogo Street, 5 building, Moscow 117218, Russia

The article makes an attempt to comprehend appearance of the phenomenon of Soviet man in the historical arena, the specifics of its functioning at various stages of the formation and development of Soviet society. It is shown that the consciousness and activity of the Soviet person developed gradually, within the framework of overcoming objective and subjective contradictory circumstances. Particular attention is paid to the Soviet person as a decisive link in the emergence and existence of a social contract as the basis of Soviet society. A brief critical analysis of anti-Soviet concepts is being implemented. A search is being made for an answer to the question why the phenomenon of the Soviet man continues to live in the minds and hearts of Russians three decades after the collapse of the Soviet Union.

Keywords: man; Soviet man; worldview; classification of interpretations of the phenomenon of Soviet man.

Образец цитирования:

Тощенко ЖТ. Советский человек: опыт осмысления социально-исторической реальности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022; 3:23–31.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-23-31>

For citation:

Toshchenko ZhT. Soviet man: the experience of understanding the socio-historical reality. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;3:23–31. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-23-31>

Автор:

Жан Терентьевич Тощенко – член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой истории и теории социологии социологического факультета¹⁾, главный научный сотрудник²⁾.

Author:

Zhan T. Toshchenko, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of theory and history of sociology, faculty of sociology^a, and chief researcher^b.
zhantosch@mail.ru

Введение

Истории возникновения, развития и краха Советского Союза посвящены тысячи трудов, но, как ни странно, почти все из них уделяют ничтожно мало внимания тому, что происходило в душах людей, как развивалось и функционировало общественное сознание на всех этапах существования Советской страны. Попытки осмыслить и объяснить процесс формирования человека с социалистическим мировоззрением представлены как научными, публицистическими, художественными интерпретациями, так и произвольными, предвзятыми толкованиями. В данной статье осуществляется классификация различных точек зрения, определяется их обоснованность, а также связь с исторической реальностью,

показывается, как разные источники трактуют становление советского человека, изменение его потребностей, мотивов, ценностных ориентаций и интересов в процессе радикальных преобразований. Главная цель статьи – доказать, что существование советского человека обусловлено созданием, функционированием и постоянным обновлением общественного договора между гражданином и государством. Особое внимание уделяется тому, чтобы понять не только суть происходивших процессов, но и их причины и условия. Анализируются основные источники о формировании феномена советского человека – научные публикации, художественная литература и данные социологических исследований.

Методология и методы исследования

Большинство научных публикаций, посвященных истории возникновения, развития и функционирования Советской страны, сосредоточены на рассмотрении политической и экономической сфер, анализе решений центральной и локальной власти, изучении изменений в социальной жизни общества. В них приводятся статистические данные о состоянии экономики и культуры, характеризуется социально-классовая структура общества, интерпретируются политические изменения. При этом процессы, происходившие в сознании и поведении людей, их социальное самочувствие остаются без внимания. В лучшем случае описываются некоторые черты советского типа личности, но их широкая трактовка не приводится.

Многие публицисты пытались раскрыть не только позитивные, но и проблемные стороны жизни советских людей. Но, как правило, эти попытки сводились к отражению отдельных эпизодов, которые не позволяют составить обобщающий портрет со-

ветского гражданина. В зависимости от мировоззренческой позиции автора данные примеры могут трактоваться с разных ракурсов и иметь противоположные и взаимоисключающие объяснения одних и тех же событий и процессов.

В научной и общественно-политической литературе основной акцент делается на описании событий во время Гражданской войны и Великой Отечественной войны, а также характеристике отдельных сфер общественной жизни в годы пятилеток. Ограниченность информации о сознании и поведении советского человека не позволяет составить полную картину о жизнеустройстве всех социальных слоев советского общества. В данной статье предпринята попытка найти сведения, свидетельствующие о социальном самочувствии советских людей, их отношении к официальной политике и окружающей действительности. Важно выяснить, почему и как человек участвовал в общественном договоре с государством, а также что он чувствовал при этом.

Опыт научного осмысления феномена советского человека

Одну из первых попыток охарактеризовать советского человека с точки зрения философских концепций личности осуществил Г. М. Гак. Исследуя формирование гражданина социалистического общества, диалектику взаимоотношений коллектива и личности в условиях социализма, ученый сделал широкое обобщение: индивидуальность советского человека проявляется в степени развития общих способностей, особенностях характера и темперамента, наличии индивидуального мнения, вкуса [1, с. 64].

Наиболее полное и всестороннее описание феномена советского человека и эволюции его мировоз-

зрения представлено в монографии Г. Л. Смирнова [2]. Автор считает, что основные характеристики социалистического типа личности заложены в фигуре пролетарского революционера. Впоследствии эти черты так или иначе нашли отражение в каждом советском человеке.

Попытку целостного анализа феномена советского человека предпринял М. А. Лифшиц, который рассмотрел жизнь советских людей после Октябрьской революции и выделил основные тенденции формирования их мировоззренческой и практико-ориентированной позиции. По мнению исследователя, данные тенденции заключались в возвышении

человека труда, превращении трудовой деятельности в дело чести, доблести и героизма, воплощении в ней высоких нравственных качеств (милосердия, взаимоуважения и коллективизма), всемерном поддержании идей интернационализма, соблюдении здорового образа жизни, а также в нацеленности на активное участие в решении общественно значимых проблем [3, с. 3–33].

Особого внимания заслуживают труды А. А. Зиновьева, который критически осмысливает феномен советского человека. Ученый анализирует наиболее животрепещущие проблемы жизни советских людей, противоречивость их сознания и неоднозначность поведения. Отдавая должное достигнутым результатам по формированию социалистического типа личности, А. А. Зиновьев отвергал многие методы государственной политики по отношению к советским гражданам. Работы автора не ограничиваются критикой, он предлагает конкретные шаги по достижению перспективной и грандиозной цели – формированию нового человека¹. Необходимо отметить, что после краха СССР А. А. Зиновьев стал активным защитником советского строя и человека.

Попытки осмыслить реализацию проекта по созданию личности нового типа предпринимались представителями не только советской науки и политики. Многие зарубежные мыслители задавались вопросом: «Можно ли создать человека принципиально нового качества?». В данном контексте представляет интерес ответ выдающегося ученого, лауреата Нобелевской премии А. Эйнштейна: «Я убежден, что есть только один способ избавиться от этих (капиталистических. – Ж. Т.) ужасных зол, а именно путем создания социалистической экономики с соответствующей системой образования, которая была бы направлена на достижение общественных целей. В такой экономике средства производства принадлежат всему обществу и используются по плану. Помимо развития его природных способностей, образование человека ставило бы своей целью развитие в нем чувства ответственности за других людей вместо существующего в нашем обществе прославления власти и успеха» [4].

В этих словах содержится теоретическая основа для объяснения появления нового типа личности. Более того, они доказывают правомерность и неизбежность создания нового общества, акцентируя внимание на формировании нового типа отношений и, как следствие, человека нового социалистического мировоззрения. Осмысление кардинальных преобразований социума позволяет объяснить появление феномена советского человека.

Бум ретроспективного анализа данного феномена начался с вывода А. В. Кивы о том, что самое большое влияние на общественное сознание оказал советский период [5]. В постсоветский период исследования на данную тему были связаны с анализом Октябрьской революции и строительства нового государства – СССР. В них описываются условия и факторы глубинных общественных изменений, но в то же время отводится сравнительно скромное место изучению мироощущения человека в процессе социальных преобразований [6, с. 66–77; 7, с. 91].

В дискуссиях о феномене советского человека чаще всего анализировались его личностные качества. Среди базовых ценностей, присущих ему, исследователи чаще всего называют социальную справедливость (соблюдение принципов социального равенства), государственный патернализм (надежда на защиту со стороны государства), интернационализм (приоритет классового подхода над национальным), атеизм [8, с. 29]. Другие авторы отмечают также идеологическое воспитание, патриотизм, коллективизм, приоритет общественного над личным [9, с. 24].

Для советского человека было типично острое внутреннее противоречие. С одной стороны, он выступал творцом нового общества, создателем новой экономики, неподдельным энтузиастом. Но, с другой стороны, во всех сферах (трудовой, социально-политической, идеологической) он был всемерно зависим от авторитарной системы [10]. Противоречивость положения была характерна практически для всех граждан Страны Советов.

Рассмотрение советского человека как социально-культурного типа личности обнаруживает его глубинное внутреннее противоречие между, с одной стороны, индивидуальным самосознанием, социальной и культурной креативностью, энтузиазмом, самосовершенствованием, романтической верой в будущее, оптимизмом, взаимопомощью, уходом от денежного и товарного фетишизма и, с другой стороны, коллективистской идентичностью, подчинением системе в обмен на социальные гарантии, конформизмом, страхом объективности в понимании общественной жизни [11], социальной пассивностью и подавлением личной свободы [12].

Интересно соображение нейробиолога Н. Н. Латыпова, применившего медицинскую терминологию в отношении общественных явлений в советский период. По его мнению, славянскими народами СССР вместе с народами Средней Азии и Закавказья была сформирована генетическая (в социальном смысле) идентичность – советский народ. Эта исто-

¹Зиновьев А. А. Зияющие высоты. М., 1976. 564 с.; Он же. Глобальный человек. М., 1997. 368 с.; Он же. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. 506 с.; Он же. Русская трагедия. М., 2002. 475 с.

рически сложившаяся общность людей была достаточно сплоченной и оставалась бы такой, если бы не мутации и злокачественное вырождение коммунистической элиты [13]. Н. Н. Латыпов подчеркивает, что новая цивилизационная популяция – советский народ – оказывала благотворное влияние и на эволюцию генетического кода Запада.

Отдельно следует отметить позиции антисоветских идеологизированных представителей науки, отрицающих существование советского человека и утверждающих, что СССР – это неудавшийся социально-политический проект. Именно с их подачи появился термин *homo soveticus*, под которым они подразумевали индивида, научившегося жить в репрессивном государстве, вступая с ним в коррупционные сделки, обманывая его. К подобным объяснениям прибегал историк А. Б. Зубов [14]. В его описаниях история Советской страны представлялась чередой позорных поражений, катастроф, торжества тирании и неудачных экспериментов, а жизнь человека соотносилась только с расстрелами, раскулачиванием, голодом и преследованиями. Не менее оголтелую позицию занимает скандально известный И. Б. Чубайс, называющий себя философом. Он утверждает, что, если мы продолжатели СССР, мы должны принять весь груз ответственно-

сти за преступления советского режима и что необходимо организовать суд над СССР.

Особые формы шельмования использовал Ю. С. Пивоваров, бывший директор Института информации по общественным наукам РАН, который проявлял невероятную активность в «разоблачении» советского прошлого. Ю. С. Пивоваров пытается совместить две кентавристические идеи. С одной стороны, он признает, что советский человек – это продукт грандиозной социальной трансформации: «Что говорить, удалось большевикам вырастить новый тип личности. Правильнее всего, наверное, будет сказать, что в современной России доминирует советский тип личности, пресловутый *homo soveticus*» [15]. С другой стороны, он занимает оголтелую позицию: «Самое страшное – это признать, что советский тип личности дан нашему народу на вечные времена и что за этим типом – будущее. И он действительно не желает исчезать. Советскость воспроизводится в новых поколениях» [15]. Ю. С. Пивоваров призывает уйти от советскости, отречься от нее, отказаться и даже проклясть большевиков, которые якобы всех обманули.

Таким образом, в научных исследованиях представлены самые разные интерпретации возникновения и существования советского человека.

Данные социологии как источник о мировоззрении советского человека

В трактовке феномена советского человека значительное место занимают социологические исследования, хотя этапы строительства нового общества представлены в них неравномерно.

В 1920-х гг. внимание социологов было направлено на изучение различных общностей и групп рабочих (Е. О. Кабо, Б. Б. Коган, М. С. Лебединский), молодежи (А. И. Колодная), крестьян (П. А. Анисимов, А. Б. Гейер). В 1920–30-х гг. проводились социологические и социально-психологические исследования красноармейцев. Подобные работы отражали многообразие трудовой, политической и социальной жизни советских людей на основе не только умозрительных рассуждений и статистических данных, но и на базе конкретных эмпирических экспериментов [16].

На наш взгляд, образцом социологического изучения внутреннего мира крестьян является труд А. М. Большакова «Деревня: 1917–1927». Автор использует монографический подход: подробнейшим образом исследуется социально-экономическое состояние нескольких волостей Тверской губернии, показано участие крестьян в экономической и политической жизни государства, их неоднозначное отношение к реформам, кроме того, представлен анализ частушек, наглядно отражающих настроения и заботы сельских жителей [17].

В 1930–40-х гг. проведение эмпирических исследований приостановилось. В конце 1950-х гг. они

были возрождены в рамках классической марксистской парадигмы: изучению подвергались в первую очередь трудовые коллективы рабочего класса. Приведем любопытный факт: первая статья, посвященная анализу жизни рабочих уральских заводов, появилась в журнале «Вопросы философии» в 1959 г. [18, с. 97–111]. Дальнейшие социологические публикации также описывали социальное положение рабочих в различных отраслях народного хозяйства. Среди подобных работ следует отметить коллективные монографии под редакцией Г. В. Осипова, В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова, а также публикации Ю. В. Арутюняна. Все они давали оценку не только социальному статусу работников производства, но и выявляли новые грани их мироощущения, их отношение к происходящим в обществе изменениям.

Горизонт исследований постепенно расширялся за счет новых групп экспертов, в том числе представителей научной и инженерно-технической интеллигенции (Г. Н. Волков, А. А. Зворыкин, С. А. Кугель, Л. С. Бляхман, О. И. Шкаратан). Обстоятельному анализу подвергались профессиональные и социальные страты общества: крестьянство (Т. И. Заславская, П. П. Великий, В. И. Староверов), молодежь (С. Н. Иконникова, В. Т. Лисовский, В. И. Чупров), пенсионеры (В. Д. Шапиро). Постепенно формировалась социология семьи, заявившая о себе фундаментальным трудом А. Г. Харчева «Семья и брак в СССР»

(1964). Работа в этом направлении положила начало проведению подобных исследований во многих университетах страны. В 1970–80-х гг. получили развитие национальные школы социологии. В Беларуси зарождение социологической школы связано с именами Г. П. Давидюка и Е. М. Бабосова, на Украине – с именем Е. А. Якубы, в Грузии – с именем А. А. Габани, в Азербайджане – с именем А. Ф. Даждамирова, в Таджикистане – с именем В. И. Выборновой.

В советской социологии шло накопление информации о различных аспектах общественной и личной жизни. Изучение социального настроения позволяло видеть советское общество во всем его многообразии.

Хотелось бы выделить исследовательский проект под руководством Ю. А. Левады [19]. Первоначально социологи были нацелены на то, чтобы проследить процесс постепенного исчезновения советского человека и его мировоззрения, но вышли на неожиданный результат. По признанию некоторых участников проекта, респонденты называли себя простыми, терпеливыми. Но в интерпретации этих мнений, осуществленной Л. Д. Гудковым, получалось, что советский человек лукав, двуличен. Почему? В трактовке Л. Д. Гудкова под словом «терпеливые» надо иметь в виду страдальцев. По его мнению, советские люди таким образом компенсировали свое чувство зависимости и неполноцен-

ности «в смысле недооцененности, униженности, уязвимости перед властью», причиной выступал «беспрецедентный в истории цивилизации уровень насилия по отношению к личности»². Однако участники проекта так и не смогли ответить на вопрос, почему советский человек не уходит в прошлое. Если это отрицательный феномен, то он должен был исчезнуть. Уже к концу 1990-х гг. исследователи, участвовавшие в проекте, были вынуждены признать, что их ожидания, связанные с уходом старого поколения и приходом нового, не знающего «пороков» советского прошлого, не оправдались. В одной из лекций Ю. А. Левада сделал вывод о том, что советский человек не исчез, не растворился в наступившем безвременье. Ответить на данный вопрос пытались социологи центров по изучению общественного мнения, академических институтов и университетов [20]. Но наиболее объективный ответ сформулировали сами россияне. Уже в начале 2000-х гг. более трети из них отмечали, что считают себя советскими людьми, еще 25 % – частично советскими. В начале 2022 г. эта цифра не только не снизилась, но и возросла. Таким образом, советский человек – это не просто идеологический конструкт или политический проект, а реально существовавший и продолжающий существовать социальный феномен, черты которого сохраняются не только среди россиян.

Художественная литература о становлении и жизни советского человека

Одним из достоверных источников сведений о советском человеке, его мировоззрении и поисках истины являются художественные произведения. Именно в них наиболее полно отражены позитивные и негативные стороны жизни в советский период.

Повесть А. А. Фадеева «Разгром» описывает мысли и поведение уцелевших в бою с белогвардейцами партизан, которые боролись за советскую власть на Дальнем Востоке в период Гражданской войны. Несмотря на горечь поражения, они намерены отстаивать свой выбор как единственно правильный. Их поступки пронизаны верностью идеалам революции. Описание жизни небольшого партизанского отряда становится отражением масштабной картины исторических событий того периода. В повести убедительно показывается, что ведущей силой революции были простые люди с огромной волей к победе.

Годы Гражданской войны описываются также М. А. Шолоховым в романе «Тихий Дон». В произведении представлены метания души Григория Мелехова, не раз менявшего свою гражданскую позицию в зависимости от противоречивых жизненных обстоятельств. Мучительный поиск привел его

к окончательному решению – быть вместе с теми, кто выбрал советскую власть.

Многообразие мировоззренческих ориентаций советских людей М. А. Шолохов отразил в романе «Поднятая целина». Время коллективизации было периодом непростых и мучительных решений в условиях кардинальных изменений крестьянского уклада жизни. Читателю демонстрируется моральное состояние крестьян – от верных до крайности идеям революции в образе Макара Нагульнова до противников социалистических преобразований в лице Якова Островнова и Александра Половцева. Становление колхозного строя в деревне показано сквозь призму взаимоотношений простых людей, которые неожиданно оказались в двух враждующих лагерях – контрреволюции и социализма. Не меньшим было число сомневающихся, но потом все же перешедших на сторону советской власти (Кондрат Майданников).

Сложность решения проблем индустриализации через призму строительства новых заводов убедительно описал И. Г. Эренбург в книге «День второй». Он показал, что заводы возводили обычные люди, объединенные одной целью. «Их называли

²«Циничный, двуличный, апатичный». Почему «человек советский» продолжает жить среди россиян и заставляет их терпеть и страдать [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2019/05/24/homo_soveticus/ (дата обращения: 12.06.2022).

ударниками. Одни из них надрывались, чтобы получить леденцы к чаю или отрез на штаны. Других подгоняло честолюбие: они не хотели остаться позади. Третьи работали так, как обычно играют в железку: это был свой, строительный азарт. Четвертые мечтали выйти в люди: стать обер-мастером, попасть на курсы в Свердловск, променять кирку или кувалду на портфель красного директора. Пятые боготворили завод. Машины для них были живыми. Они звали домну Домной Ивановной. Они звали мартеновскую печь дядей Мартыном. Шестые верили, что стоит достроить этот завод, как людям сразу станет легче: будут рельсы, а по рельсам понесутся сахар, чай, сукно и сапоги. Ударников было много – чистых и нечистых. Но все они работали скорее, нежели могли. Они работали скорее, нежели могут работать люди. На кладке огнеупорного кирпича французские специалисты говорили: “Человек может положить в день полтонны”. Каменщик Щеголев выслушал переводчицу и ничего не сказал. Его бригада вышла на работу в шесть утра. Щеголевцы работали до ночи. Они не курили, чтобы не потерять ни минуты. Когда они сдали работу, на человека вышло по полторы тонны³. Роман И. Г. Эренбурга «День второй» был обнаженно правдив. Он показал, что на пути построения Советской страны было немало недостатков, просчетов и непродуманных решений, но мотивация простых людей подкреплялась не столько осознанием того, что они создают великое и могущественное государство, сколько доверием ко всему происходящему и убежденностью в том, что завтра будет лучше.

Тема Великой Отечественной войны с точки зрения проникновения в глубины человеческой души,

описания непоказного патриотизма и верности убеждениям ярко представлена в произведениях В. В. Быкова. «Сотников», «Обрыв», «Круглянский мост» – эти и другие его повествования являют собой убедительный, глубокий социально-психологический анализ поведения людей, рассказ о буднях военного времени, где герои не совершают великих подвигов, но в своей трагической повседневности осуществляют такие действия, из которых и складывается великая победа над врагом.

Данным примером нельзя умалять значение создателей солдатской и лейтенантской прозы, таких как Г. Я. Бакланов, Ю. В. Бондарев, К. М. Симонов, К. Д. Воробьев, В. А. Курочкин. Они показали войну с самого близкого расстояния, описав будничные героические усилия народа, глубочайшую нравственность их осуществления в трагических обстоятельствах конкретного времени и малого пространства. Эта проза во многом стала моментом правды в литературе. «Момент правды, – писал И. А. Дедков, – это момент честной и совестливой памяти, хранящей лицо жизни, лицо войны, лицо человека в их истинном, настоящем выражении и воссоздающей их в наивозможной полноте, чтобы ничто из пережитого и пройденного народом не было напрасным» [21, с. 158].

Поведение советских людей в послевоенное время, период освоения целины, строительства новых городов и предприятий в Сибири, на Крайнем Севере и Дальнем Востоке исследуется в произведениях многих художественных направлений: в музыке (А. Н. Пахмутова), поэзии (Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественский), прозе (В. Г. Распутин, В. М. Шукшин, Ф. А. Абрамов).

О критиках феномена советского человека

Наряду с попытками взвешенного и (или) критического анализа процессов формирования нового типа личности – советского человека – появились самые разные интерпретации, начиная от пародийной (А. А. Генис, П. Л. Вайл, А. Д. Синявский) и завершая заведомо яростной антисоветской риторикой. Критики феномена советского человека стремились доказать, что он представляет собой ограниченное, примитивное существо и это лишний раз доказывает преступный характер советской власти. Публицисты, отрицающие существование советского человека, появились в основном уже после распада СССР, олицетворяя собой оголтелую критику всего, относящегося к истории Советского Союза. Предпринималось немало попыток заменить анализ исторического процесса самого разного плана «отсебятиной».

Прежде всего отметим изысканную фальсификацию, осуществленную известным писателем-либералом Д. Л. Быковым. Он утверждал, что советский человек – это концепция чекистской антропологии, которая пыталась «выковать» новую породу людей. Он неоднократно высказывал эту идею, апеллируя самыми разными аргументами, но особенно настаивал на том, что правовестником данной антропологической революции стал Максим Горький, который восхвалял «перековку» заключенных на Соловках и Беломорканале, а также приветствовал опыты педагогов-чекистов А. С. Макаренко и М. Б. Погребинского. Полностью игнорируя деятельность миллионов людей по созданию новой экономики, преобразованию общественной и личной жизни, Д. Л. Быков обрушился с критикой на интеллигенцию, назвав вершиной советского антропологиче-

³Эренбург И. Г. День второй [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2019/05/24/homo_soveticus/ (дата обращения: 12.06.2022).

ского проекта Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского.

Другой критик концепции советского человека, Ю. Б. Юдин, отмечал, что в 1920–30-х гг. радикальных замыслов в советских головах было много, но после экспериментальных попыток реализации различных концепций по формированию нового человека всех несогласных «стали просто убивать механически, по разрядке, в одиночку и группами» [22]. По его мнению, стратегический план по преобразованию природы и воспитанию нового человека в 1940-х гг. выглядел следующим образом: «Переделать ландшафт, напоить пустыни, обогреть тундру, надо будет – растопим льды. Перевоспитать биологические виды по Мичурину и Лысенко, скрестить стрижа, ежа и жабу и освежить их социалистической моралью: мы не можем ждать милостей от природы, она сама у нас в немилости. Преодолеть пространство и простор, подчинить стихии: техника в период реконструкции решает все. Победить и время, а в особенности старость и смерть, здоровье каждого – богатство всех! Вступай в ряды продиспансеризовавшихся! Женщина! Стирай трупы ежедневно!» [22]. Что это – зубоскальство, издевательство, смехачество или ненависть ко всему советскому, к его истории, к тем людям, которые сделали страну великой?

Немалую лепту в безудержное отрицание феномена советского человека внесли публицисты и журналисты. Нередко давалось предельно широкое обобщение, как, например, в фильме А. В. Пивоварова «Гибель империи», созданном по заказу Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара. «Экономическая история СССР такова: все работали насильно и даром, поэтому работу ненавидели. Лучших тружеников загубили в ГУЛАГе. В результате хлеба не хватало. Но в СССР оказалась нефть, ее гнали за рубеж, а на вырученные деньги покупали хлеб, тем и жили. Но иногда авторы пробалтываются: например, там же говорится, что накануне всех трагических событий горбачёвского периода внешняя торговля составляла лишь 6 % всей экономики СССР. Это обрушивает все предыдущее уموпостроение, но вообще-то зрители редко следят за подобными “мелочами”: в телевизоре главное – впечатляющая картинка. И она явлена – пресловутые пустые прилавки, заполненные за неимением продуктов банками с аджикой»⁴. Спрашивается, могли ли эти 6 % кормить весь народ? А почему нет ответа на вопрос, как получилось, что только за годы первых пятилеток было построено более 3 тыс. заводов, т. е. по одному заводу в день, что превратило СССР во вторую державу мира.

На этом фоне наиболее распространенным способом отрицания и даже шельмования советского строя и, соответственно, советского человека был такой прием: демонстрировался негативный эпизод, который действительно был в истории страны, региона, поселения, следовало его описание в зависимости от личных предпочтений автора, а затем шло предельно широкое обобщение выявленных изъянов, пороков, ошибок и даже преступлений на все советское общество. Так, в статье П. С. Гутионтова «Светлым путем идете, товарищи» рассказывается о д. Светлый Путь, г. п. Ленинске и г. Темрюке (Волгоградская обл.). В материале скрупулезно подсчитано, сколько крестьян раскулачили, сослали или расстреляли, как их душили хлебозаготовками и налогами. Описывается, сколько в г. Темрюке закрыли предприятий, куда сослали молокан, почему открыли два исправительно-трудовых лагеря. И ни одного слова о других сторонах жизни, о том, что в д. Светлый Путь по инициативе жителей была организована коммуна, открылись новые предприятия, учреждения культуры, ликвидирована неграмотность. Из этого материала следует только один вывод: на протяжении 70 лет советской власти были лишь ссылки, аресты, принудительная конфискация, запреты и уничтожение традиций. И ни слова о другом. Нет даже попытки ответить на вопрос: «Почему большинство вспоминают советскую жизнь с сожалением об утраченном, пусть и бедном, но гарантирующем простое благополучие и уверенность в будущем?». Иначе можно сделать вывод о том, что в этих населенных пунктах жили только ущербные приспособленцы [23].

Среди усилий по искоренению памяти о советском образе жизни особое место занимают дискредитация понятия «советский человек» и замена его получившим широкое распространение словом «совок». К концу перестройки идеологическое утверждение: «Народ – вершитель судеб страны» – стало терять свое значение, в обиход вошла формулировка «страна совков», которая отождествлялась с набором всевозможных пороков и психических отклонений. Под флагом борьбы с социалистической идеологией была развернута беспрецедентная кампания по искоренению ориентаций и установок, которые формировались в течение более чем 70-летней истории СССР. Причем это отвержение представлено широким диапазоном высказываний, от изречения А. Б. Чубайса: «Я ненавижу Советский Союз» – до отдельных демагогических оценок развития экономики, культуры, образования и употребления слова «совок» М. Эпштейном: «Совок был существом наглым и хамоватым, но и лопоухим,

⁴Чубайс и новая-старая движуха // LiveJournal [Электронный ресурс]. URL: <https://domestic-lynx.livejournal.com/229551.html> (дата обращения: 20.06.2022).

лоховатым» [24]. Возникает образ если не отброса человеческого рода, то уродливого, нетерпимого и исторически несостоятельного явления, которое нельзя объяснить ничем иным, как непостижимым историческим зигзагом и вывертом из логики общественного развития.

Аргументация таких заявлений построена на принципе, который древние римляне называли аргументом к невежеству, т. е. с использованием доводов, рассчитанных на неосведомленность читателя или зрителя, и с сознательным уклонением от добросовестного анализа происходящих явлений.

Заключение

Можно утверждать, что создание СССР стало впечатляющим историческим экспериментом, который в значительной степени реализовался, что доказано процессом социально-экономических, социально-политических и социально-культурных изменений. С. Кара-Мурза писал о том, что советский строй – это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией в русле ее истории и культуры. Многие из проекта не удалось осуществить в силу обстоятельств. Но удалось великое по замыслу и грандиозное по масштабам дело – создать жизнеустройство, надежно устранившее источники массовых социальных страданий, с высоким уровнем безопасности и солидарными межэтническими отношениями. Это был проект с большим творческим потенциалом и мощным стимулом развития.

Об этом говорят и социологические данные. Согласно исследованию, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2021 г., 67 % россиян сожалеют о распаде СССР и, если бы референдум о сохранении СССР состоял-

ся, 73 % россиян проголосовали бы за (напомним, в марте 1991 г. данный показатель составлял 76 %). Фонд общественного мнения утверждает, что 60 % россиян пожалели о распаде СССР. А по данным Левада-Центра, больше половины (56 %) опрошенных сожалеют о крахе Советского Союза и считают, что люди потеряли чувство принадлежности к великой державе. Еще 55 % уверены в том, что была разрушена единая экономическая система. Чуть меньше респондентов (41 %) отмечают рост взаимного недоверия и ожесточенности, разрушение связей с родственниками и друзьями (29 %) и утрату ощущения, что ты повсюду как дома (24 %). Характерно, что такие чувства присущи даже молодежи. Причем динамика этих данных с 1990-х гг. показывает, что количество положительных оценок роли и значения своей бытности в СССР не снижается, а постоянно растет.

Советский человек не исчез. Он и не исчезнет, как не исчезает душа русского человека со всеми теми качествами, которые помогают ему жить, работать, отдыхать и быть уверенным в будущем.

Библиографические ссылки

1. Гак ГМ. *Формирование нового человека*. Москва: Высшая партийная школа при ЦК КПСС; 1962. 64 с.
2. Смирнов ГЛ. *Советский человек. Формирование социалистического типа личности*. Москва: Политиздат; 1971. 376 с.
3. Лифшиц МА. Нравственное значение Октябрьской революции. *Российский экономический журнал*. 2012;5:3–33.
4. Алфёров Ж. И все-таки, почему социализм? *Российская газета* [Интернет]. 2018 [процитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: <https://www.rline.tv/podrobnosti/2018-10-04-i-vse-taki-pochemu-sotsializm-statya-zhoresa-alferova/>.
5. Кива А. Почему у России нет органического единства истории. *Независимая газета* [Интернет]. 2020 [процитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: https://www.ng.ru/ideas/2020-04-08/7_7838_history.html.
6. Алексеев ВВ, Нефёдов СИ. Гибель Советского Союза в контексте истории мирового социализма. *Общественные науки и современность*. 2002;6:66–77.
7. Ульянов ВМ. *Кризис СССР. Причины и следствия*. Москва: Диалог-МГУ; 1999. 91 с.
8. Архангельский А. *Базовые ценности: инструкция по применению*. Санкт-Петербург: Амфора; 2006. 288 с.
9. Новикова АА, Дюло ЕА. «Советское» на современном российском телевидении как проявление глокализации. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2010;1:23–37.
10. Бузгалин АВ, Колганов АИ. *10 мифов об СССР*. Москва: Эксмо; 2010. 448 с.
11. Зиновьев АА. *Зияющие высоты*. Москва: L'Age d'Homme; 1976. 564 с.
12. Попов МЕ. *Советский человек как социально-культурный тип личности* [Интернет]. 2012 [процитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3873.
13. Латыпов Н. Цитокиновый шторм западной цивилизации. *Независимая газета* [Интернет]. 2022 [процитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: https://www.ng.ru/ideas/2022-03-09/7_8386_storm.html.
14. Зубов АБ, редактор. *История России. XX век. Деградация тоталитарного государства и движение к новой России (1953–2008). Том 3*. Москва: ЭКСМО; 2017. 688 с.
15. Выжutowич В. Куда должна идти Россия? Советский тип личности. *Сибирский центр медиации* [Интернет]. 2014 [процитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: <https://www.emediator.ru/investigations/469-russian-history?start=3>.
16. Кукушкина ЕИ. *История социологии*. Москва: Высшая школа; 2009. 488 с.
17. Большаков АМ. *Деревня: 1917–1927*. Москва: Работник просвещения; 1927. 486 с.

18. Коган ЛН. Опыт социологического исследования на промышленном предприятии. *Вопросы философии*. 1959;8:97–111.
19. Левада ЮА, редактор. *Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х*. Москва: Мировой океан; 1993. 300 с.
20. Тощенко ЖТ. *Парадоксальный человек*. Москва: Юнити-Дана; 2009. 479 с.
21. Дедков И. *Возвращение к себе. Литературно-критические статьи*. Москва: Современник; 1978. 319 с.
22. Юдин ЮБ. Воспитание чувств. Об антропологической революции в СССР. *Независимая газета* [Интернет]. 2022 [протитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: https://www.ng.ru/ideas/2022-03-14/7_8390_feelings.html.
23. Гутионов П. Светлым путем идете, товарищи. *Новая газета* [Интернет]. 2020 [протитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/22/85025-svetlym-putem-idete-tovarischi>.
24. Эпштейн М. От совка к бобку. *Новая газета* [Интернет]. 2014 [протитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: <https://novayagazeta.ru/articles/2014/12/05/62220-ot-sovka-k-bobku>.

References

1. Gak GM. *Formirovanie novogo cheloveka* [Formation of a new person]. Moscow: Vysshaya partiinaya shkola pri TsK KPSS; 1962. 64 p. Russian.
2. Smirnov GL. *Sovetskii chelovek. Formirovanie sotsialisticheskogo tipa lichnosti* [Soviet man. Formation of the socialist type of personality]. Moscow: Politizdat; 1971. 376 p. Russian.
3. Lifshits MA. [Moral significance of the October revolution]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*. 2012;5:3–33. Russian.
4. Alferov Zh. [And yet, why socialism?]. *Rossiiskaya gazeta* [Internet]. 2018 [cited 2022 June 12]. Available from: <https://www.rline.tv/podrobnosti/2018-10-04-i-vse-taki-pochemu-sotsializm-statya-zhoresa-alferova-/>. Russian.
5. Kiva A. [Why Russia does not have an organic unity of history]. *Nezavisimaya gazeta* [Internet]. 2020 [cited 2022 June 12]. Available from: https://www.ng.ru/ideas/2020-04-08/7_7838_history.html. Russian.
6. Alekseev VV, Nefedov SI. [The death of the Soviet Union in the context of the history of world socialism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2002;6:66–77. Russian.
7. Ul'yanov VM. *Krizis SSSR. Prichiny i sledstviya* [Crisis of the USSR. Causes and effects]. Moscow: Dialog-MGU; 1999. 91 p. Russian.
8. Arkhangel'skii A. *Bazovye tsennosti: instruktsiya po primeneniyu* [Basic values: instructions for use]. Saint Petersburg: Amfora; 2006. 288 p. Russian.
9. Novikova AA, Dyulo EA. [«Soviet» on modern Russian television as a manifestation of glocalisation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistska*. 2010;1:23–37. Russian.
10. Buzgalin AV, Kolganov AI. *10 mifov ob SSSR* [10 myths about the USSR]. Moscow: Eksmo; 2010. 448 p. Russian.
11. Zinov'ev AA. *Ziyayushchie vysoty* [Yawning heights]. Moscow: L'Age d'Homme; 1976. 564 p. Russian.
12. Popov ME. *Sovetskii chelovek kak sotsial'no-kul'turnyi tip lichnosti* [Soviet man as a socio-cultural type of personality] [Internet]. 2012 [cited 2022 June 12]. Available from: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3873. Russian.
13. Latypov N. [Cytocine storm of Western civilisation]. *Nezavisimaya gazeta* [Internet]. 2022 [cited 2022 June 12]. Available from: https://www.ng.ru/ideas/2022-03-09/7_8386_storm.html. Russian.
14. Zubov AB, editor. *Istoriya Rossii. XX vek. Degradatsiya totalitarnogo gosudarstva i dvizhenie k novoi Rossii (1953–2008). Tom 3* [Russian history. 20th century. Degradation of the totalitarian state and movement towards a new Russia (1953–2008). Volume 3]. Moscow: Eksmo; 2017. 688 p. Russian.
15. Vyzhutovich V. [Soviet personality type]. *Sibirskii tsentr mediatsii* [Internet]. 2014 [cited 2022 June 12]. Available from: <https://www.emediator.ru/investigations/469-russian-history?start=3>. Russian.
16. Kukushkina EI. *Istoriya sotsiologii* [History of sociology]. Moscow: Vysshaya shkola; 2009. 488 p. Russian.
17. Bol'shakov AM. *Derevnya: 1917–1927* [Village: 1917–1927]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya; 1927. 486 p. Russian.
18. Kogan LN. [Experience of sociological research at the industrial enterprise]. *Voprosy filosofii*. 1959;8:97–111. Russian.
19. Levada YuA, editor. *Sovetskii prostoi chelovek. Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh* [Soviet simple man. The experience of a social portrait at the turn of the 90s]. Moscow: Mirovoi okean; 1993. Russian.
20. Toshchenko ZhT. *Paradoksal'nyi chelovek* [Paradoxical man]. Moscow: Yuniti-Dana; 2009. 479 p. Russian.
21. Dedkov I. *Vozvrashchenie k sebe. Literaturno-kriticheskie stat'i* [Return to yourself. Literary-critical articles]. Moscow: Sovremennik; 1978. 319 p. Russian.
22. Yudin YuB. [On the anthropological revolution in the USSR]. *Nezavisimaya gazeta* [Internet]. 2022 [cited 2022 June 12]. Available from: https://www.ng.ru/ideas/2022-03-14/7_8390_feelings.html. Russian.
23. Gutionov P. You are on the bright path, comrades. *Novaya gazeta* [Internet]. 2020 [cited 2022 June 12]. Available from: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/22/85025-svetlym-putem-idete-tovarischi>. Russian.
24. Epshtein M. [From the scoop to the bob]. *Novaya gazeta* [Internet]. 2014 [cited 2022 June 12]. Available from: <https://novayagazeta.ru/articles/2014/12/05/62220-ot-sovka-k-bobku>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.08.2022.
Received by the editorial board 15.08.2022.